УДК 341.222”1860”

Мазуров Игорь Викторович – доцент кафедры истории и культуры Дальневосточного института управления – филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», профессор Ниигатского университета менеджмента (г. Хабаровск). *E-mail: igor50@nifty.com*

И.В. Мазуров
I.V. Mazurov

К вопросу о населении новоприобретенных Россией земель по Пекинскому договору 1860 г.

В 2001 г. Россия и КНР подписали Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, а в октябре 2004 г. – Дополнительное соглашение о российско-китайской межгосударственной границе на ее Восточной части. Эти события резко подстегнули интерес читателей к истории формирования российско-китайской границы. В то же время, чтение не столь многочисленных материалов по истории вопроса только увеличивает количество встающих перед читателем вопросов. Например, когда читатель узнает, что по Пекинскому договору 1860 г. Цинская империя передала России весьма значительную по площади территорию по рекам Амур и Уссури, у него сразу же возникают недоуменные вопросы: каковы мотивы передачи столь обширных земель, и, вообще, кто здесь обитал до прихода русских? На этот последний вопрос в меру своих сил и попытался ответить автор данной статьи.

To a question on the population recently acquired the lands by the Russian territory under the Beijing Treaty of 1860

In 2001 Russia and the PRCh have signed the Treaty on good neighborhood, friendship and cooperation. And in October, 2004 - the Additional agreement on the Russian-Chinese border on the Eastern part. These events have sharply urged the interest of the readers to the history of formation of the Russian-Chinese Border. At the same time, reading of not a lot of materials about the history of this problem, only increases the readers quantity of the questions. For example, when the reader learns, that under the Beijing Treaty of 1860 the Qing Empire gave Russia a very large area along the rivers Amur and Ussuri, he immediately arises the questions: - Why? What are the reasons of transfer are so vast lands? And who lived here before the arrival of the Russians? This latter question and tried to answer the author of this article.

Ключевые слова: *русско-китайская граница, Пекинский договор, манзы.*

Keywords*: the Russian-Chinese border; the Peking Treaty, manzy.*

В результате подписания в 1858 г. Айгуньского, а вскоре и дополнительного Пекинского (1860 г.) договоров Россия приобрела огромные, можно сказать, девственные[1] территории на Востоке, которые русским предстояло заселить и освоить. Каков был статус этих земель накануне прихода сюда русских? И с чем, точнее, с кем столкнулись русские, придя на эти земли?

Вопрос, как оказывается, весьма не простой. Казаки и охотники Забайкалья еще до прихода сюда русских кое-что знали о землях Приамурья и совсем немного о землях Уссури. Но, к сожалению, они практически не оставили после себя никаких мемуаров. Европейские же исследователи первой половины XIX в. вообще считали эти земли пустынными. Вот, например, что пишет немецкий исследователь Ф. Зибольд, со ссылкой на труды географа К. Риттера: «… весь берег к северу от Кореи должен быть одною из пространнейших пустынь на Земном Шаре, если принять в соображение самое местоположение, лежащее под негостеприимными широтами» [1. С. 235]. Чтобы понять, насколько подобная оценка соответствовала действительности тех лет, обратимся для начала к маньчжурским источникам. Долгие годы (с 1806 по 1820 гг.) проживавший в Цинской империи российский исследователь Н.Я. Бичурин, основываясь на официальных маньчжурских данных, отмечает в своих трудах действительно крайне слабую заселенность провинций Маньчжурии того времени. Административно Маньчжурия состояла из трех провинций (Бичурин называет их «губерниями»): провинции Шен-Цзин с полуостровом Ляодун и столицей провинции – г. Мукден; провинции Гирин со столицей в городе Нингута; провинции Хэй-Лунцзян, включающей в себя земли от города Нингута – на северо-запад, то есть тот регион, который русские называли Даурией. По Бичурину, все население этого огромного края на 1812 г. составляло 1699430 душ. При этом, китайцев во всех трех маньчжурских «губерниях» насчитывалось 1249430 душ, а маньчжуров, включая женщин, малолетних, «престарелых и увечных», – только 450000 чел. Как видно из приведенных цифр, к началу XIX в. в самой Маньчжурии, которую цинская власть весьма тщательно оберегала от китайского заселения, маньчжурское население составляло меньшинство, – всего лишь одну треть от всего населения.

---

[1] Девственные в том смысле, что до прихода русских эти территории не имели признаков принадлежности какому-либо государству.

В этой связи, обращает на себя внимание довольно примечательное замечание Бичурина: «… Если вникнуть, с какою осторожностью написаны запретительные законы в Китае и с какою предусмотрительностью определены границы с соседственными народами, то не покажется слишком удивительным, что народ, состоящий из 300 тыс. чел., способных владеть оружием, умел подчинить себе государство с 200 миллионами жителей и управлять им около двух столетий» [2. С. 241].

Далее представляется интересным описание дельты Амура, где Бичурин повествует о народах, населяющих его берега[2]. В частности, он пишет, что в горах Верхнего Амура обитают тунгусы, которых русские называют по их родовым названиям: *минегри (минегры)* и *орочоны.* Ниже по Амуру – безлюдные берега, и только несколько малочисленных (около 20 чел.) маньчжурских караулов, выставляемых исключительно на летний период. Задачей караула является контроль за границей по Амуру и Аргуни. Ниже по течению изредка встречаются небольшие деревушки «… в 2 – 5 домов», в которых обитают жители Поднебесной, заготавливающие дровяной и строевой лес. В среднем течении реки находится единственный на Амуре маньчжурский город. Точнее, Бичурин говорит о двух расположеных на расстоянии шести верст друг от друга городах: Сахалянь-Ула-хотонь (главный «в сей стране» [2. С. 364]) и Айгунь. По-видимому, впоследствии эти города объединились в один, поскольку более поздние свидетельства говорят о едином городе, который у различных авторов называют то Сахалянь-Ула-хотонь, то Айгунем. Так, например, у Пржевальского в описании его путешествия в Уссурийском крае в 1867 – 1869 гг. мы читаем об этом городе: «… по правому берегу лежит город Айгун (Сахалян-Ула-Хотонь)»[3].

Продолжая, Бичурин пишет, что ниже по течению Амура, в версте от г. Айгуня, у пристани стоят 17 военных судов вместимостью каждый около 150 чел., на которых «… ежегодно отправляются войска вверх по Амуру для обозрения пограничных мест» [2. С. 365]. Далее по течению (вплоть до впадения р. Сунгари) на берегах Амура постоянного населения нет, и только от места впадения в Амур р. Сунгари и до впадения р. Уссури встречаются «… частые селения с маньчжурскими и китайскими жителями», основным занятием которых является рыбная ловля. Этот отрезок – последняя точка расселения жителей Поднебесной. Поскольку дальше: от впадения в Амур р. Уссури и вниз по течению на северо-восток, – по обеим берегам встречаются уже только тунгусские селения от 2-х до 5 домов, жители которых занимаются исключительно рыбной ловлей и

---

[2] Бичурин отмечает, что «Описание Амура составлено со слов торговых китайцев и топографической карты» (Бичурин. Цитир.соч. С. 368)

[3] Более поздние свидетельства отождествляют города Айгунь и Сахалянь-ула-хотонь. См., например: Пржевальский. Путешествие в Уссурийском крае, 1867 – 1869 гг. СПб., 1870. С. 13.

охотой. «… Ни маньчжуры, ни китайцы здесь не живут» (!),– пишет автор. И только маньчжурские купцы время от времени привозят тунгусам муку, крупу, вино, китайку и другие нужные вещи, за что в обмен получают от них рыбу, пушных зверей и орлов [2. С. 266 – 270]. Итак, по описанию, составленному Бичуриным, в первые десятилетия XIX в., исключая г. Сахалянь-Ула-хотонь с г. Айгунем, селения с маньчжурскими и китайскими жителями изредка встречались по правому берегу Амура лишь до впадения в него р. Уссури. Ниже были только тунгусские селения.

Описанную Бичуриным в начале XIX в. картину подтверждают и сведения о населении Нижнего Амура и Уссурийского края накануне присоединения этих земель к России из архивных документов первых русских, прибывших сюда в составе экспедиции Г.И. Невельского. Российский историк Б.П. Полевой, подробнейшим образом исследовавший архивы экспедиции, пишет о том, что данные Г.И. Невельского «… свидетельствуют о значительной заселенности края аборигенным населением, не признающим никакой власти соседних азиатских держав», и что «… основным этническим элементом здесь были нивхи» [3. С. 54]. Заметим, что, вопреки распространенному мнению, самой важной для г. Петербурга стала информация Невельского не о том, что Сахалин – это остров (об этом в Европе уже было известно из книги немецкого врача Зибольта, в которой тот писал, что японец Мамия Риндзо в одиночку исследовал Сахалин и даже побывал на Амуре), а о том, что в обследованном крае Нижнего Амура и реки Уссури «… проникновение пришлого элемента с юга (т. е. маньчжуров, китайцев и корейцев – И.М.) носило случайный характер, и чужеземцы занимали ничтожно малый удельный вес в общей массе жителей» [3. С. 54]. При этом, как пишет Г.И. Невельской, официальное присутствие Цинской империи в этих землях было ограничено лишь наличием на Амуре нескольких малолюдных караулов да небольшого городка Айгунь, который был основан еще до Нерчинского договора на правом берегу реки, несколько ниже устья Зеи [3. С. 117]. Другими словами, на Нижнем Амуре и в Приуссурийском крае не было обнаружено никакого постоянного маньчжурского присутствия. Об отсутствии маньчжуров в Приамурье докладывал и руководитель другой секретной экспедиции, подполковник, Агте[4].

Как следует из отчета экспедиции Г.И. Невельского, вакуум маньчжурского присутствия в землях Нижнего Амура и Приуссурийского края[5] объяснялся тем, что власти Цинской империи не были уверены в

---

[4] Подробнее см.: Мазуров, И. В. Русские на Амуре. Хабаровск, 2012. С. 33.

[5] В то время этот регион (по аналогии с Приамурьем) называли «Приуссурийским краем». После прихода сюда русских постепенно получило распространение название региона как Уссурийский край. (См.: Тихменев, Н. М. Манзовская война // Военный сборник. № 2. 1908. С. 25.

принадлежности им этих земель, и, соответственно, подданным Поднебесной официально запрещалось посещать их и вести там какую-либо деятельность. Отсюда и отсутствие каких-либо маньчжурских поселений как на Нижнем Амуре, так и в Приуссурийском крае.

Из-за незавершенности разграничения по Нерчинскому договору и в прежние-то времена цинские власти с сомнением относились к землям Нижнего Амура и Уссурийского края. А в середине XIX в., в условиях жесткого давления со стороны европейских держав (опиумные войны), с одной стороны, и серьезных внутренних социальных волнений (Тайпинская война, которая носила антицинский, прокитайский характер), – с другой, Пекин уже был не в состоянии противостоять российским аргументам о необходимости защитить эти земли от англичан и французов. К тому же, проводившие переговоры с представителями Цинской империи и Н.Н. Муравьев, и Н.П. Игнатьев свидетельствуют, что в Пекине плохо представляли себе, что это за земли, и где они находятся. В конечном счете, все эти факторы привели к тому, что маньчжуры с удивляющей современных историков легкостью передали в 1860 г. России обширные территории Амура и Уссурийского края.

И если маньчжуры толком не знали эти земли и никак не развивали их, то приход сюда русских в конце 1850-х гг. привел к тому, что край ожил. Как писал очевидец в конце 90-х гг. XIX в., «… Со времени присоединения Уссурийскаго края к России, с водворением в нем русскаго влияния эта далекая окраина, бывшая раньше почти совершенно безлюдною и дававшая у себя приют лишь хищным животным да бродячим манзам-охотникам, ожила, и в ней начала зарождаться деятельная, созидательная жизнь: закладывались города, селения, хутора форты, урочища, крепости, и там, где раздавался только рев уссурийскаго тигра, застучал топор, загрохотали по каменистой почве колеса, послышались удары заступа, зазвучала человеческая речь, загудели свистки пароходов» [5. С. 14]. И хотя приведенные слова, скорее, отражали мнение столичного человека, далекого от глубоких знаний местных реалий, русские действительно привнесли в эти края цивилизацию, хотя и немалой ценой.

Кто же населял эти земли до прихода русских? Прежде всего, аборигенное население. По официальным статистическим данным, которые приводит Бичурин, численность «народонаселения» тунгусских земель к востоку от реки Уссури и на «северо-восток к устью Амура» в первых десятилетиях XIX в. составляла приблизительно 2398 тунгусских «семейств». Причем, как поясняет Бичурин, цифры этих семей являются именно приблизительными, поскольку «… племена, занимающие сие пространство, ведут полукочевую жизнь и живут *на праве инородцев*» [5. С.

14]. Зафиксируем факт, что маньчжурская статистика считала тунгусов «инородцами», не относя их к подданным Цинского императора.

Чтобы понять, какие народы обитали на Амуре и Уссури в середине XIX века, обратимся вновь к документам экспедиции Г.И. Невельского. Как отмечается в этих документах, в конце1840 – начале 1850-х гг. на землях Нижнего Амура и Татарского пролива проживало «… весьма пестрое в этническом отношении население, в связи с чем, пришедшие с Запада первые русские, не имевшие в своих рядах специалистов-этнографов, … нередко… путали различные народы, дав им общее неверное название «гиляки». Иной раз и сами аборигены: нанайцы, негидальцы, ороки, – отвечая на вопросы русских, называли себя так же, поскольку русские называли их гиляками» [3. С. 54].

Итак, ко времени подписания Айгуньского, а затем Пекинского договоров Приамурье и Уссурийский край представляли собой довольно пустынные земли, которые, как показали результаты исследований Амурской экспедиции, фактически не идентифицировались маньчжурами как собственная территория империи. Однако, как мы ниже увидим, маньчжурское и китайское население на этих землях присутствовало. Неофициально. Что это были за люди?

По свидетельству архимандрита Палладия (Кафарова), после подписания Пекинского договора русские обнаружили в Уссурийском крае граждан Поднебесной, которыми были «… бродячие промышленники и охотники, пришедшие сюда … вследствие обнищания и в надежде на скорое обогащение, вследствие домашних несогласий или невозможности прокормить свои многочисленные семейства, по неохоте к труду или во избежание преследований со стороны суровых и жестоких китайских судов» [5. С. 49].

Таким образом, здесь обитали охотники за женьшенем либо добытчики морепродуктов, многие из которых не имели правительственной лицензии (Бичурин называет эти лицензии «билетами») на свою деятельность, что ставило их в положение преступников, а также беглые и скрывающиеся от закона или тяжелых податей. Напомним, что вплоть до их отмены, в 70-е гг. XIX в., законы Цинской империи запрещали всем неманьчжурам селиться в Маньчжурии, то есть – за пределами Китайской стены. Поэтому все китайцы (ханьцы), не имевшие лицензии для строго определенного вида деятельности (сбор женьшеня или добыча трепанга), являлись преступниками только по факту своего присутствия в этих запретных для них местах.

Немало информации о населении Уссурийского края в первые годы русского здесь присутствия содержится в работах подполковника

Генерального штаба И.П. Надарова[6]. Согласно сведениям этого исследователя, в начале 1860-х гг. «инородческое» население Уссурийского края состояло из гольдов, ороченов и *манзов*. И если присутствие на этих землях коренных жителей вопросов не вызывает, то о манзах следует сделать пояснение. В течение многих лет маньчжурское правительство в качестве наказания ссылало преступников в отдаленные пустынные земли Маньчжурии. Наказанных не только отрывали от семьи, но им прямо запрещалось вступать в брак. Наряду с этим, цинское правительство широко применяло практику выселения в отдаленные районы Маньчжурии также и китайских крестьян вместе с семьями «для возделывания полей». Однако подобная практика не распространялась на Уссурийский край [5. С. 50].

Следует отметить, что отношение цинских властей к Маньчжурии, в частности к Уссурийскому краю, было сложным. С одной стороны, они сознавали необходимость заселения пустующих земель Маньчжурии, и, как сообщает архимандрит Палладий, в маньчжурском правительстве даже существовали проекты заселения этих земель. Более того, туда и отправляли чиновника для проведения соответствующих исследований. В то же время, серьезно опасаясь китайского усиления в родовых маньчжурских землях, цинское правительство спускало все подобные проекты по переселению на тормозах, в результате чего они так и оставались только лишь прожектами.

Рассмотрим, кто такие манзы? Само слово «манзы» имеет довольно древнее происхождение. Оно встречается еще у Марко Поло: «Мань-цзы или южные варвары, как называет их Марко Поло» [9. С. 56]. Архимандрит Палладий относил появление этого слова ко времени господства в Китае монголов, которые подразумевали под ним южных китайцев, а за границей собственно Китая этим словом назывались вообще все китайцы. По мнению российских исследователей, оно означает «бродяга», «беглый». Как пишет цитировавшийся выше Д.И. Шрейдер со ссылкой на архимандрита Палладия: «… Сами манзы часто называли себя «пао-туй-цзы» или «пао-туй-рди», т.е. пешеходами, бродягами, бегунами, не придавая, впрочем, этому слову дурнаго значения». Вот как Шрейдер описывает манзов: «… Длинная коса, волочащаяся чуть ли не до самой земли, желтый, пергаментный цвет лица – последствие обильного употребления опиума и плохого питания, лукавые раскосые глаза,

---

[6] Надаров И. Инородческое население Уссурийской страны // Материалы к изучению Уссурийскаго края. Владивосток. Типогр. штаба портов Восточнаго океана, 1886. Иван Павлович Надаров – генерал от инфантерии, писатель. Род. в 1851 г. Окончил курс Академии Генштаба. Участвовал в русско-турецкой кампании 1878 г. Был военным губернатором Забайкальской области. В Русско-японскую войну И.П. Надаров был начальником тыла маньчжурской армии, позднее командовал войсками Омского военного округа.

своеобразный костюм, состоящий наполовину из чего-то похожего на дамскую кофту («курма»), наполовину из легких шаровар детскаго покроя, мягкия туфли, неслышная поступь, вкрадчивый голос, льстивая речь, – таков в общем, по первому впечатлению, уссурийский китаец, известный у местных жителей под названием «манзы»».

При подписании Айгуньского, а затем и Пекинского договоров учитывалось, что на отходящих к России землях будут присутствовать представители Цинской империи. В этой связи, в ст. 1 Пекинского договора прямо говорится о поселениях цинских подданных, которые «… русское правительство обязуется оставить на их тех же местах и дозволить по-прежнему заниматься рыбными и звериными промыслами» [10. С. 161].

Следовательно, после подписания Пекинского договора перед русскими властями вставала острая необходимость выяснить: в каком количестве и где находились поселения жителей Цинской империи? С компактными поселениями китайцев и маньчжуров на берегах реки Зея (Зазейский треугольник) в районе впадения этой реки в Амур более менее было ясно. А вот с китайцами в Уссурийском крае было много вопросов. Как выше отмечалось, формально, по цинским законам китайцы не могли селиться в Маньчжурии, а тем более в Уссурийском крае. Однако фактически они здесь присутствовали. К примеру, в статье «Письма с реки Амура» при описании открытого за год до этого залива и «порта Святого Владимира» автор пишет о том, что здесь проживают «жители, беглые китайцы», которые имеют домашний скот – лошадей и коров. Более того, «один из китайцев, боясь какого-то наказания за пропавшую корову, бежал на наши суда и теперь добровольно остался в нашем поселении на каменно-угольных копях острова Сахалина». Далее автор замечает, что «г. Максимович, поднимавшийся в 1855 г. вверх по Усури, на 150 верст от ея устья, собрал сведения, что верхний Усур (Усури) населен гораздо гуще низовья – китайцами, у которых водится домашний скот (лошади, коровы, свиньи и бараны)…»[11. С. 25 – 26].

Согласно запискам М.П. Тихменева, который в 1865 – 1868 гг. был начальником штаба у губернатора Приморской области контр-адмирала Фуругельма, ситуация с заселенностью приграничья Уссурийского края на те годы выглядела следующим образом. Весь левый берег Уссури и Сунгачи на протяжении более 100 верст нашей границы представлял собой «совершенную пустыню». На всем этом пространстве обитали лишь две китайские семьи, да против станицы Казакевичевой стоял Маньчжурский караул из 8-ми человек. Весь район от Уссури до Сунгари на сотни верст представлял собой дремучую тайгу или болота, безлюдные и бездорожные. Только три тропы шли от Уссури вглубь нашей территории. А вот в южной части Уссурийского края, на маньчжурской стороне было «… относительно густое промышленное китайское население». Здесь

проходили несколько торговых дорог из внутренних областей Маньчжурии: от городов Нингута и Хунчунь в наш Южно-Уссурийский край, «… населенный китайцами, имевшими постоянные торговые сношения с людными маньчжурскими центрами» [7. С. 31 – 32].

Военный исследователь-аналитик М. Венюков, говоря о манзах, обращал внимание на то, что «Китайцы суть также пришельцы в крае» и представляют собой беглых, а отчасти мелких торговцев и искателей женьшеня. Кроме постоянно живущих в Приморском крае мазов, немало было «китайцев-промышленников» из Маньчжурии, приходящих на сезон для добычи морской капусты, рыбы, трепангов. По мнению Венюкова, поскольку манзы не имеют семей и живут либо в одиночку, либо артелями, то «… без сомнения, исчезнут скоро из края, если дальнейший прилив их из Маньчжурии будет прекращен». Общее количество манзов на рубеже 1860 – 70-х гг. Венюков определял цифрою до пяти тысяч [8. С. 86].

И. Надаров пишет, что на 1860 г. «… в Уссурийской стране проживало оседлаго манзовского населения 872 души» [6. С. 3], из которых лишь 10% были женатыми. Любопытно, но заявив, что «отдельнаго племени или народа тазов не существует…» [6. С. 3], И. Надаров тут же отмечает, что «… число семейных манзов в данной местности состоит в прямом отношении к числу гольдов и орочонов, а также корейцев данной местности» [6. С. 6]. При этом, исследователь не пошел дальше и не сделал следующего логичного заключения о том, что «тазы» и есть этническая группа метисного происхождения, сформировавшаяся в результате смешения маньчжуров и китайцев с представителями местного населения – гольдами и орочонами, а также в меньшей степени – с корейцами.

По мере развития русских земель росла и потребность в рабочей силе, которая удовлетворялась, прежде всего, за счет роста манзовского населения. В последующие двадцать лет, к 1880 г., оно выросло в 7,5 раз. Так, развитие г. Владивостока сопровождалось значительным увеличением постоянного манзовского населения, которое за те же двадцать лет выросло с 2-х чел. (в 1860 г.) до 1196 чел. (в 1880 г.). Всего же, по данным Надарова, в 1880 – 1882 гг. оседлое манзовское население Уссурийского края составляло 7051 душ обоего пола, из которых женщин было лишь 228 чел. К этим цифрам следует добавить и бродячее манзовское население, которое не превышало 4000 чел. [6. С. 15]. Основными занятиями манзов были хлебопашество, соболиный и звериный промысел, производство водки-ханшина, а также торговля и выращивание морской капусты и грибов.

Любопытно сопоставить приведенные цифры манзовского населения с количеством русских в Уссурийском крае, которое на 1884 г. составляло 16814 «душ обоего пола». То есть, на 16814 душ русского населения

Уссурийского края был и 7051 манз [6. С. 14 – 16]. Следовательно, на 1884 г. русских было в 2,5 раз больше, чем манзов.

В то же время, развитие русских земель требовало постоянного притока рабочей силы. Вместе с тем, росла и привлекательность региона для населения сопредельных государств. Поэтому, если в годы прихода русских на эти земли, численность представителей соседних государств была крайне ничтожной, то уже к концу XIX в., по свидетельству цитированного выше Д.И. Шрейдера: «… По улицам города снуют по всем направлениям китайцы, корейцы, японцы. Особенно много китайцев; русских почти совсем не видать; да их здесь, таки, довольно мало, по сравнению с сынами Небесной империи…» [5. С. 12]. Было очевидно, что требовались серьезные политические решения для изменения ситуации в пользу русских и привлечения в край представителей титульной нации.

Итак, после того, как по Нерчинскому договору 1689 г. русские ушли с Амура, эти земли опустели. И поскольку в продолжение последующих почти двухсот лет статус региона был не определён, земли Нижнего Амура, а также Уссурийского края фактически не принадлежали никому. Такое положение соответствующим образом отразилось на населении этого края, в составе которого, наряду с коренными жителями – гиляками, пришедшие сюда русские, кроме маньчжурских поселений на реке Зея (то, что в последствии назовут «Зазейским треугольником»), обнаружили также бродячих, в значительной части нелегальных представителей Поднебесной в Уссурийском крае – манзов, которые в последующем сыграли свою роль в становлении русской цивилизации в регионе.

В заключение можно добавить, что, наряду с манзами, важную роль в становлении региона сыграла также и корейская, а позже и японская миграция, однако, рамки статьи не позволяют рассмотреть и эту не менее важную особенность исторического развития Дальневосточного региона.

Литература и источники:

1. Зибольд, Ф. Путешествие по Японии / Ф. Зибольд. – Т. 2. – СПб., 1854.

2. Бичурин, Н. Я. Статистическое описание Китайской империи / Н. Я. Бичурин. – М. : Вост.дом, 2002.

3. Полевой, Б. П. Подробный отчет Г.И. Невельского о его исторической экспедиции 1849 г. к о-ву Сахалин и устью Амура / Б. П. Полевой // Страны и народы Востока. – Вып. XIII. – М. : Наука, 1972.

4. Мазуров, И. В. Русские на Амуре / И. В. Мазуров. – Хабаровск : Изд. ДВАГС, 2012.

5. Шрейдер, Д. И. Наш Дальний Восток. (Три года в Уссурийском крае) / Д. И. Шрейдер. – СПб.: Изд. А.Ф.Девриена, 1897.

6. Надаров, И. Инородческое население Уссурийской страны / И. Надаров // Материалы к изучению Уссурийскаго края. – Владивосток : Типогр. штаба портов Восточнаго океана, 1886.

7. Тихменев, Н. М. Манзовская война. Первое вооруженное столкновение русских с китайцами в Южно-Уссурийском крае в 1868 г. / Н. М. Тихменев // Военный сборник – № 2. – 1908.

8. Венюков, М. Опыт военного обозрения русских границ в Азии / М. Венюков. – СПб., 1873.

9. Петров, А. И. История китайцев в России 1856 – 1917 гг. / А. И. Петров. – СПб., 2003.

10. Сборник договоров России с Китаем. 1689 – 1881 гг. – СПб. : Изд. МИД., 1889.

11. Письма с реки Амура // Русский вестник. – Т. 17. – М., 1858.